

Остальных сожгли заживо

Четырехлетнего Сашу вместе с другими «партизанами» – женщинами и стариками – фашисты нашли в болотах зимой 1943-го. О том, что их вели убивать, мальчик узнает потом, когда чудом удастся выжить. Эту дорогу к неслучившейся смерти он запомнит на всю жизнь. Как и ужас бомбежек, осколочную рану, дикий голод и сухарик в мешочке за спиной – так называемый неприкосновенный запас, который сосал через ткань украдкой от матери.

В 1941-м Саше Запольскому было всего два с половиной года. Воспоминания о первых днях войны – обрывочные, но четкие. Вот уши закладывает от ударов – это немецкий бронепоезд рвет родную деревню Луговцы снарядами. Вот отец кричит матери, чтобы пряталась в низине... Резкая боль в ножке, кровь на подбородке у мамы – осколки все же скользнули по беглецам. Родная тетка падает в дымящуюся воронку укрыться от снаряда. Быстрые сборы и – лес. До конца войны непроходимые чащи Верхнедвинского района Витебской области станут для Саши вынужденным пристанищем. Родной дом сожжен, отец ушел в партизаны.

Говорят, что в критических ситуациях человек может многое. Иначе не объяснить, как Анастасия – мама Саши – с тремя детками на руках (младшему Алику в 1943-м было всего 2 года, старшей Инне – 5) смогла выжить в болотах. В еду шло все: гнилая картошка, семена щавеля. Временами подкармливал отец и другие партизаны, однако чувство голода и страха никогда не отпускало.

«Никто из детей не плакал. Знали, что нельзя. Только мелко дрожали, если слышали немецкую речь», – вспоминает Александр Афанасьевич.

Однажды немцы подошли слишком близко. Зимой 1943-го по Верхнедвинскому району прошла карательная экспедиция с циничным названием «Зимнее волшебство». Тогда уничтожили каждого второго (!) жителя: сельчан в основном гоняли в сараи и жгли заживо. Мстили за вылазки партизан. В один из таких дней накрыли и Сашин «лагерь беженцев».

«Они приближались цепью, в белых халатах. Громко кричали, наводя панику, – продолжает собеседник. – Повели гуськом, но вдруг раздались выстрелы, и в суматохе мама смогла спрятаться с нами в ельнике. Остальных, в том числе детей и стариков, сожгли».

День, когда беглецы навсегда покидали лес, Александр Афанасьевич считает одним из самых счастливых в жизни. Подводы идут по полю: кругом оружие, дымят обломки техники, у Саши глаза горят, но мама крепко держит за руку – чтобы

даже не смел притронуться к «игрушкам». В деревне, точнее на ее пепелище, мелькают пилотки со звездочками, всюду родная речь. Рослый мужчина, офицер, берет Сашу на руки, и тот с завистью смотрит на огромный компас на запястье. Полевая каша с американской тушенкой, вкуснее которой уже не будет ничего и никогда, даже в сытом будущем...

Но о будущем пока рано. Саша, как и другие дети войны, окунается в сложное военное «после». Не дождавшись победы, умирает мама, а вслед за ней – и младший братик. Отца отправляют поднимать колхоз. Сапоги – одни на двоих с сестренкой, первое съеденное яблоко – в 7 лет...

Говорят, военное поколение особое. Не просто с «прививкой» от слабости, а с гигантской дозой жизнелюбия в крови. Эта сила помогла Александру Афанасьевичу всю жизнь. И когда пареньком оказался на флоте, и когда работал на стройке, и когда без чьей-либо помощи окончил два вуза. Карьеру начинал слесарем, затем 40 лет работал в родном районе на руководящих должностях. Многого добился, многое пережил. Но когда говорит о празднике Победы, его голос по-прежнему дрожит. В такие моменты в этом статном мужчине легко угадать того самого беззащитного маленького Сашу из 1943-го.

Елена ОРЛОВА